

проявляются в его жизненной практике и которые общество должно развивать. В этом контексте весьма важно и актуально стимулировать личность осваивать не только профессиональный, но и другие виды деятельности, которые стали бы для нее внутренней необходимостью. В этой связи весьма плодотворна работа в системе образования, в частности в ВУЗах, ССУЗах по привлечению студентов к занятиям в разного рода кружках, семинарах, секциях, участию в работе многообразных институциональных структур самоуправления и т.д.. Что позволит осуществлять поступательное развитие и обогащение основного вида деятельности личности, способствуя тем самым ее всестороннему развитию.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на Республ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004г.). – Мн.: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Лукашенко, А. Г. Государство для народа: докл. Президента Респ. Беларусь / А. Г. Лукашенко // Государство для народа: докл. и материалы III Всебелорус. нар. собр., 2-3 марта 2006г. /редкол.: А.Н. Рубинов [и др.]. – Минск, 2006. – С.7 – 52.
3. Барулин, В. С. Социальная философия: учебник для вузов / В.С. Барулин. – 2-е изд., исп. и доп. – Москва: Гранд: Флир-пресс, 2002. – 558с.
4. Первый съезд ученых Республики Беларусь (Минск, 1-2 нояб. 2007г.): сб. материалов / редкол.: А. Н. Косинец [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 704 с.
5. Маркс, К. Письмо к П. В. Анненкову в Париж [Брюссель, 28 декабря 1846г.] / К Маркс., Ф. Энгельс //Сочинения. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. - Т.27. - С. 401 - 412.

УДК 316.62

ПОЗИТИВНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ

Т.В. Стаценко

УО «ВГТУ», г. Витебск, Республика Беларусь

Со времени своего зарождения в период наиболее выраженных кризисных состояний обществ, девиантология, с полным правом претендующая называться наукой о девиантном поведении в обществе, не утрачивает способности формулировать новые актуальные проблемы, сопряженные как с самим пониманием социальных девиаций, так и с выявлением причин и последствий этого неизбежного явления.

Главным условием организации социальной жизни, безусловно, становится наличие социальных ожиданий, принимающих форму норм, соответствующих целостности и результативной функциональности общества. Отклонение (уклонение) от выполнения (соблюдения) таких норм принято связывать с понятием девиантности, девиантного поведения в обществе. Выявление причин девиации составляет наиболее существенную долю в развитии девиантологии, которая годами нарабатывала огромный фактический и эмпирический опыт, предоставляющий исследователю значительные возможности.

Наиболее существенный позитивный аспект социальных девиаций заключен в определенном типе девиаций, которые составляют тип положительных отклонений от существующих норм. К таковым относятся, например вундеркинизм, гениальность, наличие аномальных (экстрасенсорных) способностей, наконец, талант. Необходимость таких девиаций в обществе ни в коей мере не оспаривается, но следует отметить, что отношение общества к таким девиантам само по себе представляет определенную социальную проблему и заслуживает отдельных исследований.

Динамика социальных изменений в обществе часто принимает настолько интенсивный характер, что нормы перестают соответствовать своему главному назначению, а зачастую и препятствуют развитию самого общества. В таких случаях общество сталкивается с проблемой определения самой девиации. Социальное пространство в последние десятилетия наполнено таким количеством современных коммуникационных систем, которое неизбежно приводит к естественному сравнительному определению девиации в одном обществе и отсутствия признаков девиации в аналогичной ситуации в другом обществе. Результат сравнения, как правило, выражается в отказе принятия факта девиации самим индивидом, поведение которого расценивается как девиантное, не соответствующее принятым в обществе нормам. Эта проблема еще более усугубляется, если в рамках

одного общества поведение одного члена общества расценивается как девиантное, а точно такое же поведение другого члена общества признается соответствующим норме. Такое явление приобрело значительный масштаб на постсоветском пространстве и, безусловно, в определенной мере комментирует резкий рост преступности практически во всех бывших республиках Советского Союза в начале 90-х годов. Не следует, однако, обольщаться на тот счет, что за почти два десятилетия эта проблема утратила свою остроту.

История социологической науки вообще и девиантология в частности, неоднократно обращались к этой проблеме. Вероятно, первая развернутая социологическая теория девиантности – теория аномии – принадлежит Э.Дюркгейму. Его принцип подхода к проблеме девиации сугубо социологичен. Основной акцент он ставит на первичности общества, социального факта, а не индивида. Социальное должно объясняться социальным. Общество есть особая реальность, стоящая над индивидами, обуславливающая действия индивидов и осуществляющая над ними контроль. Он декларирует «нормальность» преступности в том смысле, что она присуща всем обществам, развивается по своим закономерностям, выполняет определенные социальные функции. «Преступления совершаются во всех обществах всех типов... Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива... Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно» [1]. Более того, «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права...

Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немислимо без другого...

Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения... Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!» [2]. Согласно этому постулату Дюркгейма, девиации необходимы для развития, прогресса общества.

Разрабатывая теорию социальных девиаций, Дюркгейм обращает внимание на то, что преступность (как и другие девиантные проявления) нормальна при условии, что она «не превышает уровня, характерного для общества определенного типа» [3]. По мнению Э.Дюркгейма, в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянства, наркомании, самоубийств, преступности и т. п.). В обществах же быстро меняющихся, в условиях социальной дезорганизации наблюдается состояние аномии, когда прежние социальные нормы перестают действовать, а новые еще не созданы или не освоены, когда существует «конфликт норм» – правовых и моральных, публичного права и частного права и т.п., когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остались не урегулированными («нормативный вакуум»). В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень. Э.Дюркгейм подробнейшим образом теоретически и эмпирически обосновывает свою концепцию на примере самоубийств [4].

Теория аномии Дюркгейма в определенном смысле не утратила своей актуальности и сегодня. Ее доходчиво иллюстрирует ситуация, сложившаяся в бывших советских республиках после распада СССР. Социально-экономические и политические изменения, принявшие форму революционных преобразований в обществе, конца 80-90-х годов минувшего века сопровождалась противоречиями между советскими моральными и социальными ценностями и менталитетом, с одной стороны, и новыми экономическими и политическими отношениями, с другой; между нормами «социалистического» права (уголовной ответственностью за бродяжничество, попрошайничество, «паразитический образ жизни», за злостное нарушение паспортного режима, за частное предпринимательство и коммерческое посредничество) и новыми нормами гражданского права, разрешающими частную собственность, легализующими статус безработного (бывшего «тунеядца»), между нравственными ценностями старого общества (отрицательным отношением к богатым, стремлением к «равенству») и новой моралью (обогащайтесь!). При этом многие сферы общественной и государственной жизни оказались без должного нормативного регулирования. Соответственно, с конца 80-х годов наблюдается резкий рост преступности, самоубийств, наркомании, алкоголизма.

Э.Дюркгейм один из первых развивает теорию общественного разделения труда, обращая внимание на роль социально-экономического неравенства в генезисе человеческой активности, как позитивной, так и негативной. Он понимает эволюционное значение разделения труда («чем примитивнее общество, тем больше сходств между индивидами»), его необходимость для развития общества, но видит и отрицательные последствия (овеществление личностных отношений, «анормальные формы» разделения труда – анемическое, принудительное и др.) [5]. Всякое живое существо стремится к счастью. При этом для человека важно равновесие между стремлением к счастью и степенью удовлетворения. Если естественные потребности имеют естественные пределы, то социальные потребности не имеют естественных ограничений, они безграничны. Многие идеи ученого актуальны и сегодня. И это не только (и не столько) выявленные им конкретные закономерности некоторых видов девиантности (сезонное распределение самоубийств, зависимость уровня девиантности от степени сплоченности общества и др.), но и главный социологический вывод: девиантность закономерна, девиации выполняют вполне определенные социальные функции, общество без девиаций, включая преступность, невозможно.

К структурному функционализму и теории аномии относят и другого социолога – Р.Мертон, создателя «теорий напряжения» (Strain Theories). Р.Мертон, основываясь на теории Э.Дюркгейма, проявления девиантности рассматривает как закономерное порождение социальных условий. «Мы исходим из предположения, что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой "нормальный" ответ на возникшую ситуацию» [6].

Стремление людей к успеху отмечается ходом самой истории. Во всем мире богатство признано всеобщим символом успешности. Но определенная часть общества в силу тех или иных причин оказывается в условиях ограниченных социальных возможностей («напряжение»). Это характерно, например, для обществ с классовой структурой, имеющей тенденцию к ужесточению, или для обществ, в которых сокращается возможность легального изменения социального статуса в сторону его повышения. А ведь именно классовая структура обуславливает неравенство возможностей, различия в доступе к ценностям общества. «Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения» [7]. «Обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств, становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели достижения успеха расходится с координированным институциональным значением средств... Возникает напряжение (strain). Требования культуры, предъявляемые к конкретному лицу, оказываются несовместимыми... С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является формирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность» [8].

Культура каждого конкретного общества определяет его цели и легальные, институционализированные средства их достижения. В зависимости от принятия (+) или непринятия, отрицания (-) целей и средств существует пять теоретически возможных типов поведения (способов приспособления индивидов к социальным условиям), которые Р. Мертон сводит в таблицу.

Таблица 1 - Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону

Тип	Определяемые культурой цели	Институционализированные средства
Конформизм	+	+
Иновация (реформизм)	+	-
Ритуализм	-	+
Ретретизм	-	-
Мятеж	+	+

Индивиды, разделяющие цели общества и принимающие средства их достижения, будут вести себя законопослушно, *конформно*. Те, кто принимает цели, но не согласен с предоставляемыми средствами, будет предпринимать шаги по их улучшению, заниматься реформаторской, инновационной деятельностью. Не принимающие цели или, что гораздо чаще, относящиеся к ним безразлично, но свято придерживающиеся легальных средств, будут беспрекословно следовать принятым нормам – ритуалисты. Не принимающие ни цели, ни средства данного общества будут

либо «бежать» из него, уходя в алкоголь, наркотики, из жизни (самоубийство) – ретретистское поведение, либо пытаться все изменить – мятежники, революционеры.

В целом, «антисоциальное» поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей перевозносит, фактически превышает всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения. [9]

Таким образом, и представитель классической социологии, и социолог постиндустриального общества, приходят практически к одному и тому же выводу: социальные девиации – это, прежде всего, показатель того, что источник девиаций заключен в самом обществе, и уже в самом этом факте имеется позитивный аспект девиации. Если уровень социальных девиаций в обществе достаточно высок, он не снизится от приказа «повысить уровень раскрываемости преступлений» или от увеличения численности служащих правоохранительных органов, проблема в условиях, которые создает само общество для роста уровня девиантности.

Еще один позитивный аспект социальных девиаций может быть отмечен в связи с появлением в обществе значительного количества различных субкультур, носителями которых в основном являются представители молодого, и, что все чаще происходит в последние десятилетия, юного поколения общества. С одной стороны, большая часть этих субкультур «копируется» в виде заимствованных субкультур из других обществ, которые идентифицируются как более развитые, хотя бы по внешним признакам. При этом копируются внешние образы, выраженные в одежде, прическах, манере поведения и т.д., но социальная подоплека этих субкультур скопирована быть не может, как несоответствующая обществу, членами которого являются «копирующие». В основной своей массе молодежные субкультуры имеют четко выраженную «мирную» направленность, декларирующую нежелание быть причисленным к обществу хотя бы даже и во внешних формах. С другой стороны, опять же, само появление такого количества субкультур – сигнал неблагополучия в обществе. У немалого числа молодых людей отсутствует четко выраженная личностная самоидентификация, сильны поведенческие стереотипы, обуславливающие деперсонализацию установок. Позиция отчуждения просматривается как в отношении к социуму, так и в межпоколенном общении, в контркультурной направленности молодежного досуга. Социальное отчуждение проявляется чаще всего в апатии, безразличии к политической жизни общества, образно говоря, в позиции «стороннего наблюдателя». На уровне самоидентификации проявление каких-либо определенных политических установок минимально. Вместе с тем, эмоциональность, легковёрность и психологическая неустойчивость молодых людей умело используется различными девиантными группами для численного пополнения своих рядов.

В возрастной психологии молодость традиционно характеризуется как период формирования устойчивой системы индивидуальных, личностных, а также групповых ценностей, становления самосознания и формирования социального статуса личности. Для этого периода характерно развитие критичности мышления, стремление дать собственную оценку различным социальным явлениям. Вместе с тем, в период юности и молодости еще сохраняются некоторые установки и стереотипы, свойственные предшествующему поколению. Это связано с тем, что естественная возрастная активная деятельность сталкивается с ограничениями в практической, созидательной деятельности, неполной включённости в систему общественных отношений. Это во многом объясняет в поведении молодежи парадоксальное сочетание противоречивых проявлений: стремление к идентификации и обособление, конформизм и негативизм, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и уход, отрешенность от внешнего мира. На неустойчивость и противоречивость молодежного сознания оказывают влияние многие социальные факторы. Во-первых, в современных условиях усложнился и удлинился сам процесс социализации, и соответственно другими стали критерии социальной зрелости. Они определяются не только вступлением в самостоятельную трудовую жизнь, но и завершением образования, получением профессии, реальными политическими и гражданскими правами, материальной независимостью от родителей. Действие данных факторов не одновременно и не однозначно в разных социальных группах, поэтому усвоение социальных ролей оказывается противоречивым. К примеру, получение высшего образования, в нескольких предшествующих поколениях представляемое как залог успешности, оказывается, не ведет к достижению цели. Во-вторых, становление социальной зрелости молодежи происходит под влиянием многих относительно самостоятельных факторов: семьи, школы, трудового коллектива, средств массовой информации, молодежных организаций и стихийных групп.

Воздействие многочисленных институтов социализации зачастую носит противоречивый, усиливающий аномию характер, создают благодатную среду для личностного конфликта. Образцы и эталоны социализации в семье часто не совпадают с образцами и эталонами социализации в учебном заведении. Поиск «непротиворечивой» среды и приводит к формированию субкультур различного плана, которые через групповое сознание, позволяют частично преодолеть конфликт личности.

Таким образом, социальные девиации, по определению имеющие негативную составляющую, тем не менее, уже самим своим наличием содержат значительный позитивный аспект.

Список использованных источников

1. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39-40.
2. Там же. С. 42-43.
3. Там же. С. 40.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
5. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии. М., 1991. С.3-389.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. С. 299.
7. Там же. С. 302.
8. Там же. С. 309.
9. Там же. С. 310.

УДК 796

ЭСТЕТИКА ЗДОРОВЬЯ

Э.И. Савко

УО «БГУ», г. Минск, Республика Беларусь

Эстетика – это наука о прекрасном. Эстетический – красивый, изящный, проникнутый эстетизмом. С момента возникновения цивилизации до наших дней человечество постоянно испытывает неодолимую потребность в красоте, совершенствовании и созидании здоровья. Идеал прекрасного, совершенного здорового человека всегда был главной побудительной силой, воодушевляющей людей на бесконечное углубление в тайны природы и постижение их на благо здоровья и красоты. Г. Гете писал: “Единственная красота, которую я знаю, – это здоровье”. Красив человек своей душой, умом, своими делами. Красота человека предполагает всесторонность развития, большую культуру, многогранность запросов личности. Важнейшей сферой эстетического отношения человека к здоровью является самосозидающий труд. Каким образом через эстетическое подойти к всестороннему и гармоническому развитию личности, к эстетике здоровья.

Все явления действительности, с которыми прикасается, которые познает, оценивает, преобразует в процессе своей жизнедеятельности человек, служат для его источником различных впечатлений, переживаний, субъектами и объектами эстетического воздействия. Мы попытаемся увидеть прекрасное в человеке с древних времен.

Более пяти тысячелетий отделяет от нас время, когда были созданы первые из сохранившихся скульптурных портретов Древнего Египта. Для них характерна гармония и телесная мощь. В греческой скульптуре времен расцвета Древней Эллады запечатлены образцы телосложения победителей Олимпийских игр. Гармонически развитые, мускулистые тела свидетельствуют о крепком здоровье и физической мощи их обладателей. Именно такими представляли себе древние греки богов-олимпийцев.

В представлении древних греков, здоровый, прекрасный человек, “калокагатос”, – это гармоничный человек, в единстве “тела” и “духа”, нравственных и физических качеств [7]. В средние века представление о красоте человека считалось: что идеал совершенства, можно достигнут лишь путем духовного возвышения над обыденной жизнью, мирскими заботами.

В эпоху возрождения, идеалом здорового, красивого, совершенного человека считалась вера в самого человека, его безграничные возможности – свободный всесторонне развитый человек.

Искусство Возрождения славил, восхваляло, возносило человека, но оно же первым почувствовало, угадало, что прекрасные идеалы, великая вера в мощь человеческого духа. Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса вселенной! Венец всего живущего! [2].